

УДК 316.74:340.114.5

Булавкин А.А.

**ПРИСВАИВАЮЩЕЕ
ПРАВОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ:
ТЕОРЕТИКО-
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ**

Ключевые слова: правовое поведение, присваивающее правовое поведение, субъектное измерение присваивающего правового поведения, проблема доверия в российском обществе.

Социологическая традиция в исследованиях правового поведения, идущая от Э. Дюркгейма, Г. Тарда и М. Вебера, опирается на приоритетность социальных аспектов правового поведения и рассмотрение его как важнейшей формы социального поведения. Указанные авторы признавали определяющее влияние социальных отношений, хотя и в разных аспектах, на процессы становления и функционирования правового поведения. В работах Г. Тарда основной является теория подражания и правовое поведение рассматривается в контексте перенимания индивидами поведенческих стереотипов. Таким образом, присваивающее поведение можно рассматривать как следствие эффекта массовизации, объединения в толпу, но единственно эффект безнаказанности не является объяснительным в концепции правового поведения. Скорее, правовое поведение основывается на концепции ожидания или манифестации, в понимающем поведении усматривается логика превосходства над индивидуальным (осознанным) выбором.

Классическая социология показывает правовое поведение в системе дифференциации общественных отношений, в контексте развития коллективных форм организации и сознания. Такая мысль обосновывается в работах авторов, стоящих на взаимоисключающих позициях, – Г. Тарда [1] и Э. Дюркгейма [2]. Но для того чтобы выявить «нюансы» классической социологии, следует прибегнуть к процедуре обнаружения общего и различного в подходах к проблеме правового поведения, хотя мы еще раз подчеркнем, что классическая социология стоит на позиции номинализации правового поведения как формы социального поведения.

В определении правового поведения, данного французским социологом

Г. Тардом, превалирует понимание его через механизм подражания. Для него безусловным является то, что социальное поведение есть результат взаимного подражания в процессе совместной деятельности индивидов, так как правовое поведение относится к массовому, его сущность связывается с современным обществом. Не случайно Тард пользуется выражением «социальная логика», согласно которому в поведенческих устремлениях человек не может руководствоваться формально логическими понятиями, будучи, скорее, связанным восприятием стереотипов. Так правовое поведение становится социальным через формирование правовых стереотипов, и, как правило, любой стереотип страдает определенной аморфностью. Между людьми слаба связь на уровне правовой рефлексии, и, другими словами, правовое поведение возможно как продолжительное подражание [3]. Для Тарда правовое поведение возможно благодаря тому, что оно способствует прогрессу во взаимодействии классов, укрепляя между ними элементарную социальную связь. С точки зрения Тарда, право есть и результат, и условие единообразия, так как равенство перед законом легитимирует социальное подавление.

В нашем исследовании доказано, что взгляды Тарда на правовое поведение (как реализующее равенство перед законом и в силу этого являющееся условием преодоления дезорганизации) близки к позициям Э. Дюркгейма, что, однако, не дает возможности говорить об их совпадении. Э. Дюркгейм, как известно, придерживался реалистической позиции, для него общество приоритетно по отношению к индивидам и правовое поведение основывается на системе общественных изменений. Настаивая,

что современное общество является обществом органической солидарности, Дюркгейм обращается к классификации юридических правил. Для традиционного общества характерно репрессивное право, современное же общество применяет реститутивные формы, связанные с укреплением положительной солидарности, с тем, что право служит исправлению, а не наказанию индивида через негативные санкции.

Для Дюркгейма позитивная солидарность есть система различных специальных функций, объединенных определенным способом, представляющих связь индивида с обществом без всякого посредника [4]. Дюркгейм видит в правовом поведении способ организации взаимодействия между индивидом и обществом, исходя из правового равенства индивидов. Правовое поведение генерализировано в силу того, что содержит обязательные элементы для индивида, выполняющие различные функции.

Мы считаем, что если для Тарда важен механизм подражания поведению, и он рассматривает этот фактор как массовидный, то для М. Вебера институциональные средства не находятся в фокусе исследовательского интереса, и он помещает правовое поведение в контекст реализации индивидом социальных функций, считая, что правовое поведение как любой тип социального действия имеет субъективное значение. Для Вебера правовое поведение целерационально, в нем право выступает средством, и если традиционное общество строится на ценностно ориентированном и традиционном поведении, то в правовом поведении выражено стремление достигать цели рациональными средствами, которые лишены эмотивной, аффективной окраски, ведь право

выступает формализованным и в силу этого обстоятельства универсальным инструментом. Для Вебера важно соотношение субъективных мотиваций и норм права. Специфической особенностью действующих индивидов в правовом поведении является то, что они варьируют рамки поведенческих установок, но значение, которое они придают своим действиям, основывается на принудительной силе права.

Одним из исходных положений нашего исследования является понимание того, что право выступает как способ организации социального взаимодействия в контексте детрадиционализации общества. Постклассические социологи (Э. Гидденс, П. Бурдьё), отмечая, что существуют объективные структуры, независимые от сознания, в то же время придают значение схемам восприятия, практическому знанию, которое актуализируют индивиды в процессе взаимодействия. Иными словами, выдвигается концепция двойного измерения социальной реальности [5]. В концепции габитуса П. Бурдьё правовое поведение является интернализацией правовых норм и экстернализацией социального опыта, т.е., действуя в рамках габитуса, индивид исходит из системы устойчивых и переносимых диспозиций. Нельзя сказать, что право обеспечивает единственную устойчивость личности. Личность действует по логике права в соответствии с тем, что социальные траектории она вынуждена соблюдать в условиях социальной неопределенности.

Английский исследователь Э. Гидденс рассматривает правовое поведение в контексте структуризации. Речь идет о взаимообусловленности конструирования социального мира, при котором право помещается перед действием в качестве условия и после действия в качестве результата. Для

Гидденса право не является абстрактным инструментом, оно обладает эмпирически осязаемой реальностью, но только если оно актуализируется в действии. Характерно, что, являясь сторонником правового государства, Гидденс предполагает, что не все индивиды в обществе социально компетентны и воспринимают право в дискурсивной форме [6; 7].

Подчеркнем: классическая социология определяет структурно-рациональный аспект правового поведения. Это относится и к М. Веберу, который хотя и вкладывает в правовое поведение субъективный смысл, в целом связывает его с рационализацией общественных отношений, бюрократизацией, установлением рациональной законной власти и представляет право как привыкание индивида к навязанным обстоятельствам. Неклассическая социология выходит на осмысление конструктивистского «субъективного» измерения правового поведения, в котором индивид исходит из социального опыта, или практического знания, что приводит к расхождению между дискурсивным правовым и практическим поведением, которое может иметь непреднамеренные результаты. Поэтому то, что квалифицируется в системе права, дискурсивного знания как операция, может восприниматься на социальном микроуровне как наиболее эффективное использование правовых норм, как соответствующая жизненным установкам процедура актуализации.

В постсоветский период проблемы правового поведения стали активно изучаться с начала 1990-х гг., когда очевидной стала новая цель общественного развития – построение демократического и правового государства. Вопросы становления и развития современного правового поведения

волнуют сегодня не только юристов и правоведов (И.Н. Барцин [8], В.В. Дмитриев [9], А.Н. Иванов [10] и др.). Это важная социальная проблема, от решения которой зависит степень «встраиваемости» российского общества в глобальный мир современности, а также актуальнейшая, но недостаточно изученная проблема социологической науки.

Российское население в настоящее время проходит достаточно сложный период адаптации к кардинально изменившимся социальным условиям. Правовые новации были выбраны магистральным путем и условием модернизации общественной жизни, прежде всего в сфере внедрения института частной собственности и формального декларирования демократических прав. Однако этот процесс асимметричен: в обществе укрепилось господство неправовых социальных практик, так как не были созданы условия функционирования института права как базисного социального, наряду с институтом собственности. Говоря об этом, следует отметить, что правовое поведение россиян в предшествующий советский период строилось на основе системы социальной дистрибуции: существовала формула обмена прав на лояльность и опеку власти.

Выявлено, что наступление периода «стихийного» реформирования привело к тому, что правовые нормы, востребованные как ориентирующие повседневное поведение, оказались неэффективными в условиях социальной анархии и актуализации схем присвоения собственности по критерию близости к власти. Пытаясь выяснить, как это влияет на формирование правового поведения россиян, можно сказать, что в российском обществе право воспринималось прежде всего как способ легитимации установивше-

го социального порядка, связанного с переделом собственности и возникновением резких форм социально-имущественного неравенства.

На наш взгляд, в российском обществе не сложились механизмы взаимодействия между правовой системой и населением, которые бы позволили реализовать принцип соответствия субъективных мотиваций и правовых норм. В понимании права россияне исходят из приоритета власти, т.е. в право вносится патерналистский/клиентелистский смысл, и оно определяется на уровне отношений господства/подчинения. Отсюда – стремление использовать право как механизм не артикуляции или согласования интересов, а утверждения силового потенциала группы или конкретных индивидов. Если право рассматривается как инструмент давления и влияния, вполне определенным является групповое или индивидуальное присвоение права.

Из сказанного следует вывод, что главным критерием присваивающего поведения в России является повышение адаптационной способности. Действительно, этот критерий служит достаточным основанием для оценки сдвигов в социальном поведении. Следует отметить, что соответствие этому критерию достигается в условиях социальной неэффективности института права и в то же время отмирания старых авторитарных и административных привычек. Право, к сожалению, до сих пор не является организационно независимым от власти, что усиливает влияние преходящих интересов, прежде всего элитных, связанных с правом.

Вполне очевидно, что позитивная предпосылка для анализа правового присвоения состоит в том, что общество так или иначе пытается преодолеть не только правовой нигилизм, но и присвоение через соединение

системы равноудаленности от власти и исполнения формулы правового равенства (равенство перед законом). Наше исследование показывает, что в обществе запущен принципиально важный процесс внедрения правового поведения, но его практическое воплощение таково, что законопослушные граждане остаются один на один со своими проблемами, не ощущая социальных выгод от использования легитимных практик. Ключевая проблема правового присвоения заключается в том, что необходимо осознать, что присвоение имеет основу не только в социальной интеграции в обществе, но и в существовании правовых стереотипов. Только завоевание лидерства нормативным правовым поведением, повышение правовой компетентности населения, заключающейся в умении защищать свои права и осознавать свою правовую ответственность, наверное, способны обеспечить прорыв в этой области. О том, какой является эта перспектива, можно судить, только обратившись к объективным и субъективным аспектам данной проблемы.

В российском обществе сложилась новая институциональная система, новые правила, которые хотя и не являются правилами игры, все-таки демонстрируют и регламентируют социальную деятельность россиян. Выявлено, что характерным для отношения россиян к институту права является то, что именно государственное управление и контроль считаются полезными в защите прав человека, и такая позиция, на наш взгляд, неслучайна. Соизмеряясь с тем, что в обществе создана единая вертикаль власти, эффективно управляющая страной, вероятно, критерий защиты прав человека заключается, наряду с контролем стратегических отраслей экономики, поддержанием социаль-

ной сферы, и в охране общественного порядка [11].

Мы считаем, что в понимании института права проступают контуры дифференциации, связанные с тем, что жители мегаполиса, более образованные и благополучные, конечно, предъявляют к институту права более «современные» требования, связанные с защитой прав человека, предпринимательства, свободой слова. В то же время российская провинция нацелена на этнографическое восприятие института права, на сильное государство, и если отвлечься только от прямых социальных влияний, разницы в доходах населения, уровне социального благополучия, можно считать, что в отношении к институту права и выявляется правовая компетентность, информированность населения о деятельности правоохранительных институтов и структур. Подчеркивая важность института права в обеспечении правопорядка, личной и социальной безопасности, население идентифицирует себя с институтом права как институтом силы, как институтом государства, институтом, проявляющим жесткость и силу, и этот момент является источником в мотивации присвоения права.

Необходимо разделение функций права, которые обращены к гражданам или к деятельности государства, но которые в состоянии быть контролируемы со стороны государства и общества, иначе партикулярные правовые реформы не улучшат, а могут лишь ухудшить правовую ситуацию в виде роста коррупционных правовых издержек. Вызывает нарекание несбалансированность двух основных компонентов российской правовой системы, и если правовая реформа заключается лишь в смене способа политической необъективности, основной проблемой все же является реализация таких организационных форм, в

которых принцип равенства права мог бы реализоваться эффективно.

Другая причина заключается в высокой степени манипулирования правом со стороны имеющих доступ к правовым ресурсам групп, в ситуационном отношении к законам.

В работе 2008 г. мы отмечали, что позиция россиян по вопросу «Что нужно предпринять, чтобы повысить эффективность работы государственных служащих в системе управления?» свидетельствует о том, что важнейшим для населения является усиление общественного контроля за работой чиновников (60,5%), введение запрета на занятие государственных должностей теми, кто был уличен в коррупции (50,1%), более тщательный отбор чиновников с учетом образования и квалификации (44,8%) [12].

В настоящее время, как показывают общероссийские социологические исследования, большинство граждан (53%) полагает, что законы надо соблюдать, только если так же поступают представители власти [13].

При недостатке институциональных средств для сдерживания групповых претензий, отсутствии интереса к совершенствованию правовых механизмов население склонно довольствоваться минимальной информацией о влиянии права на правоохранные системы российского общества, что дает возможность при внешнем сохранении правовых норм злоупотреблять правом. Отчуждаясь от понимания права как механизма артикуляции и согласования интересов, население тем самым теряет реальную возможность участвовать в оценке правовой системы. Такой разрыв приводит к тому, что отношения между правовым институтом и гражданами строятся по модели присвоения, но не связаны с ожиданиями или правилами.

Российское общество является социально сегментированным, правовые нормы артикулируют согласование интересов, используются в качестве инструмента лоббирования групповых интересов. Тем не менее мы считаем, что существуют не только групповые формы присвоения, но и так называемые модальные схемы, действующие независимо от социально-статусных позиций. В выборе своего отношения к праву, правовых мотивациях россияне склонны исходить не из конкретной социально-экономической ситуации, а из субъективной самооценки, из того, что в праве для них видится этакратизм, что с правом связывается порядок или контроль со стороны государства.

Если основываться на удовлетворенности жизненных потребностей населения как показателе адаптированности, влияющем существенным образом на отношение к праву, выявляется дифференцированность позиций, зависимость от уровня удовлетворенности, готовности/неготовности к присваиваемому поведению. Характерно, что при общем доминировании позиции «Скорее не очень удовлетворены», несмотря на то, что эту позицию можно назвать позицией привыкания или стабилизации самочувствия, как раз она создает благоприятный фон присваиваемого поведения [14]. Это приводит к выводу, что в условиях, когда ни статус, ни квалификация, ни собственность не имеют социально значимого влияния, присвоение представляется наиболее оптимальным с позиции сохранения, удержания социального статуса и свыкания с жизненными обстоятельствами. Так, в присвоении основная роль принадлежит не правовой компетентности, которая может выступать «помехой», не возрастным характеристикам, скорее оно дает

возможность выравнивания шансов, поскольку индивиды независимо от социальных позиций следуют формуле удовлетворенности/неудовлетворенности, которая не минимизирует оценку социального вреда присваивающего поведения и усиления его социальной полезности.

Выявлено, что в оценке возможностей достижения взаимопонимания между бедными и богатыми компромиссные взгляды основываются на достижении максимально возможного улучшения своего положения в рамках существующей системы, не отвергая господствующие в обществе схемы, а действуя в соответствии с ними [15]. При том что право может быть заявлено в ценностном измерении, стремление к извлечению пользы приводит к восприятию прагматизма в интерпретации правового поведения, критерия выгоды. В то же время, так как формирование правовой эффективной системы не считается основным результатом модернизации российского общества, правовое поведение не рассматривается как самостоятельное, не является эффективным в силу того, что перемена социальных позиций не зависит от выбора правомерного и неправомерного поведения.

Потеря значимости статуса образования и квалификации снижает востребованность правовой компетентности, когда она не является весомым «социальным аргументом» в пользу отстаивания социальных позиций. Можно считать, что наиболее активной стратегией является выбор: адаптироваться самостоятельно или ждать, надеясь на улучшение ситуации. Таким образом, хотя и выражается готовность к усилиям, направленным на то, чтобы найти свое место в новой реальности, она свойственна прежде всего лидерам с высшим образованием. Здесь,

скорее, играет роль ощущение престижности высшего образования, не позволяющее человеку включиться в нисходящую социальную мобильность, что выявляет при минимальной правовой компетентности понимание того, что право не имеет определенного значения в реализации жизненных стратегий присвоения, присваивающего правового поведения.

В целом в российском обществе происходит процесс, который можно назвать институционализацией присваивающего правового поведения. Но, во-первых, присваивающие практики, как мы отмечали, ограничиваются правовыми рамками, и в этом смысле, хотя и не представляются альтернативой неправомерному поведению, они являются компромиссными с позиции правовых норм, колеблются в рамках социально допустимого. Во-вторых, дефицит правовых ресурсов, неравенство в их использовании и применении воспроизводят замкнутость института права, а пользователь права нацелен на латентные формы освоения групповых функций. И в-третьих, стабильность российского общества достигается за счет привыкания к сложившимся условиям, пассивной или активной адаптации. Это обстоятельство снижает потребность в использовании правового поведения как деятельностного аспекта легитимации существующего социального порядка и ориентирует различные группы и слои населения, в зависимости от социальных позиций, на включение правовых норм в качестве средства адаптации в существующей системе доминирования/подчинения.

В целом складывается впечатление, что присваивающее поведение для населения выглядит более привлекательным, чем правомерное, и в то же время можно зафиксировать уровень диф-

ференциации правового присвоения у представителей различных социальных и социально-профессиональных групп. Если к самым активным можно отнести предпринимателей и чиновников, самыми пассивными являются традиционные слои, которых меньше привлекает возможность правового давления и которые привыкли действовать на уровне «просительских» схем.

Нами доказано, что хотя правовое присваивающее поведение и является более предпочтительным по сравнению с объективно противоправным и преднамеренно противоправным, в целом можно сказать, что в массовом сознании присваивающее поведение является показателем слабости в российском обществе или, в лучшем случае, – низкой социальной эффективности. Анализируя позиции населения по отношению к правовым нормам, можно отметить, что, как правило, респонденты ссылаются на несовершенство законодательства или избирательность применения права, полагая, что именно на них возлагается бремя ответственности. Считается, что либо другие группы уклоняются от исполнения норм и законов, либо им предоставлен «льготный» правовой режим.

Россияне вполне отчетливо осознают, что реальным гарантом прав и свобод граждан выступает государство, и, с недоверием относясь к деятельности определенных государственных структур, считают, что важно создание таких условий, при которых не столько человек ощущал бы себя социально защищенным, сколько создавались бы правовые условия для инициативы, предприимчивости, готовности к риску. Есть и болезненная реакция на социальные разрывы в российском обществе, на дестабилизирующее социально-имущественное неравенство. Но, как подчеркивают авторы исследований,

имеется в виду прежде всего равенство возможностей для проявления способностей каждого. И здесь понятие права незаменимо. В существующей форме эта возможность проявляется в виде присвоения. Следовательно, необходимо обеспечение оптимального доступа различных групп населения к правовым ресурсам, что, говоря конкретно, означало бы и предоставление бесплатных юридических консультаций, и эффективную работу судебных органов, и социальный государственный контроль за деятельностью правоохранительных структур, полиции.

Таким образом, присваивающее поведение ориентировано на стагнацию существующей правовой ситуации. Несмотря на претензии к институту права, население придерживается позиции невмешательства. Это следует из адаптационных стратегий населения, ориентированного преимущественно на экономические интересы и не видящего в гражданской активности залога реализации жизненных целей. Тот факт, что в выборах модели государства в зависимости от уровня образования респондентов превалирует так называемая социал-демократическая модель [16], все же свидетельствует о том, что, с одной стороны, сократилось число патерналистов, тех, кто верил в опеку государства, но тем не менее правовой патернализм усилился. С другой стороны, так называемая оптимальная социал-демократическая модель в принципе опять же связана с приверженностью к правовому патернализму в том смысле, что государство должно через правовые механизмы активно вмешиваться в рыночную и социальную сферы.

Библиография

1. Тард Г. Законы подражания. СПб., 1902.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1999

3. Западно-европейская социология XIX – начала XX века. Тексты. М., 1996. С. 147.
4. Западно-европейская социология XIX – начала XX века. Тексты. С. 257.
5. Коркюф Ф. Новые социологии. М.; СПб., 2002. С. 38.
6. Giddens, A., 1991. Modernity and self-identity. Self and society in the late modern age. Cambridge: Polity Press: 214.
7. Bryant, C.G.A. and D. Jary, 2001. The Contemporary Giddens: Social Theory in a Globalizing Age. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2001.
8. Барцин И.Н. Правовое пространство России // Вопросы конституционной теории и практики. М., 2000.
9. Димитров В.В. Правовой потенциал российского общества: институциональное измерение. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009.
10. Иванов А.Н. Философия правопонимания: в поисках гармонии меры предмета и меры человека. Нижний Новгород, 2007.
11. Свобода, неравенство, братство. М., 2007. С. 258.
12. Булавкин А.А. Субъектное измерение присваивающего правового поведения. Ростов н/Д, 2008.
13. Бедность и неравенство в современной России: 10 лет спустя: аналитический доклад. М.: ИС РАН, 2013.
14. Динамика социального экономического положения населения в России. 2008. Вып. 2. С. 54.
15. Динамика социального экономического положения населения в России. С. 74.
16. Адаптационная стратегия населения. 10 лет исследования. СПб., 2004.
2. Durkheim, E., 1999. About division of social activities. Moscow. (rus)
3. The West-European sociology of XIX – beginnings of XX century. Texts, 1996. Moscow: 147. (rus)
4. The West-European sociology of XIX – beginnings of XX century. Texts: 257.
5. Corcuff, Ph., 2002. The New Sociologies. St. Petersburg: 38. (rus)
6. Giddens, A., 1991. Modernity and self-identity. Self and society in the late modern age. Cambridge: Polity Press: 214.
7. Bryant, C.G.A. and D. Jary, 2001. The Contemporary Giddens: Social Theory in a Globalizing Age. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2001.
8. Bartsin, I.N., 2000. Legal space of Russia. Questions of the constitutional theory and practice. Moscow. (rus)
9. Dimitrov, V.V., 2009. Legal potential of the Russian society: institutional dimension. Rostov-on-Don: Publishing house of Southern Federal University. (rus)
10. Ivanov, A.N., 2007. Philosophy of understanding law: in search for the harmony of subject measure and human measure. Nizhniy Novgorod. (rus)
11. Freedom, inequality, brotherhood, 2007. Moscow: 258. (rus)
12. Bulavkin, A.A., 2008. Subject measurement of appropriating legal behavior. Rostov-on-Don. (rus)
13. Poverty and inequality in modern Russia: 10 years later: analytical report, 2013. Moscow: published by Sociology Institute of Russian Academy of Science. (rus)
14. Dynamics of social and economic situation of the population in Russia, 2008, 2: 54. (rus)
15. Dynamics of social and economic situation of the population in Russia: 74.
16. Adaptable strategy of the population. 10 years of research, 2004. St. Petersburg. (rus)

Bibliography